

Крыленко Николай Васильевич

Судебные речи

1922-1930 гг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич К.**
Судебные речи: 1922-1930 гг / Крыленко Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 364 с.

ISBN 978-5-519-91329-4

ISBN 978-5-519-91329-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

отвергаем, мы все эти церкви одинаково не признаем как организации, которые могут в нашем государстве иметь какие-нибудь права — политические, юридические, публичные. Поэтому при оценке того, как мы сейчас должны поступить с представителями того или другого вероучения, для нас вопрос о том, как поступало с этим вероучением царское правительство никакой роли не играет и ни в какой мере имеющим значение признанным быть не может. Но, с другой стороны, мы не можем относиться к каждой из этих отдельных церквей совершенно одинаково. С точки зрения политической каждая из них представляет из себя исторически сложившуюся организацию, представляет из себя организацию общественного характера. Как некий общественный коллектив, преследующий определенные цели, как организация общественных сил, хотя обвиняемые и отрицают это, католическая церковь является силой политической, вне зависимости от того, имеет она или не имеет точной политической программы или точно установленный порядок действий. В общественной жизни всякий коллектив, сознательное объединение более или менее крупной группы лиц, действующее, направляющее свою волю для достижения поставленных перед собою целей, есть политический фактор, который в момент социальных столкновений, в момент социальных катаклизмов всегда должен, хочет он или не хочет, занимать ту или другую позицию по отношению к борьбе, которая совершается перед его глазами и как определенный политический фактор должен иметь определенный политический вес.

А посему нам, как строителям общественной жизни, как людям, которые несут на себе ответственность перед миллионными рабочими, трудовыми массами за настоящее и будущее, для нас не может быть большей политической ошибки, чем не считаться с фактом существования данной общественной организации, как общественной силы, как политического факта. А если так, то, следовательно, подходя к конкретной политической и общественной организации, к той или другой церковной организации — католической, православной, еврейской, магометанской или еще какой угодно, мы должны рассматривать не только то, что она есть сейчас, но должны рассматривать ее с точки зрения исторической перспективы, — чем она была, какие навыки общественно-политические у нас есть, какова социальная, классовая сущность этой организации, каковы ее социальные устремления, ее социальные тенденции, и

в зависимости от этого расценивать ее и определять по отношению к ней свою позицию.

И вот эта основная истина нашей политики ясно выражена в той статье нашей Конституции, которую почему-то всегда неуютно помнить нашим противникам, а именно 23 ст. нашей Конституции, которая гласит: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической Революции». Мы не фетишисты в политике, мы не провозглашаем незыблемых истин — свободы печати, слова, собраний, совести и т. д. Мы говорим: в нашей борьбе за существование советской Республики рабочий класс, держащий в руках власть, может и должен в период ожесточенной борьбы сказать — вот этот общественный класс, этот общественный слой, о котором я знаю, что он действовал, действует и будет действовать против меня, я лишаю политических прав, я лишаю общественно-политических публичных прав. На этом основании по ст. 65 нашей Конституции лишены избирательных прав все представители бывших имущих классов, все имеющие нетрудовые доходы, все живущие на счет прибылей, на счет выжимания дохода из трудящихся. В этой ст. 65 мы можем прочесть список тех, которые законом лишены политических прав в нашей Сов. Республике. Перечисляя слои лишенцев, ст. 65 между прочим также говорит: «Не избирают и не могут быть избранными в советы монахи и духовные служители церкви и работники культов». Мы считаем, что по всем историческим традициям, по всей своей истории, они для нас являются врагами, в отношении коих заранее надлежит принять меры обеспечения, лишив их возможности, на основании ст. 23 Конституции, влиять на политическую жизнь страны. Этого мало. В 1920 г. в этом самом зале слушался процесс русских церковников, слушался процесс обер-прокурора св. синода Самарина, проф. церковного права Кузнецова, того самого, с которым вместе подавал протест в СНК обвиняемый Федоров. На этом процессе проф. Кузнецов со всей ловкостью иезуита доказывал обиду, которая якобы нанесена нашим советским законодательством православной церкви. Он говорил, что лыжникам, футболистам, московскому спортивному обществу Советская власть может дать юридические права, а вот такой общественной организации, как церковь, она не дает никаких прав юридического лица. Ему было тогда судебным приговором разъяснено, на

чем основывается такая политическая позиция советской власти, и почему в отношении церкви, как общественно-политической организации, как одной из наиболее сильных и мощных по своим традициям форм эксплуатации трудящихся, мы отсекаем впредь всякую возможность продолжения этой эксплуатации и лишаем поэтому церковь не только политических прав, но лишаем ее и гражданских прав, прав иметь юридическое лицо. Такова позиция нашей Конституции. С этой точки зрения всякие действия, направленные к нарушению или противодействию проведению в жизнь этого основного закона РСФСР, есть контрреволюционное действие и по сему полностью подпадают под признаки 57 ст. Угол. кодекса.

Вот та точка зрения, которая декларирована нами в Конституции, незнанием которой никто не может здесь отмахиваться. И всякий, кто поднимает руку на эти основные законы нашего государства, заведомо должен знать, что из сего для него впоследствии.

Но здесь может встать вопрос, чем же объясняется такая позиция государственной власти по отношению к церкви, почему именно на эту форму общественной организации сыплет советская власть громы и молнии. Я считаю, что здесь не место и не время пускаться в доказательство, почему это так делается. Я полагаю, что здесь, в зале Верховного суда, достаточно ссылки на эти законы, достаточно декларирования этих законов, и не место ставить вопрос, почему именно такие законы изданы. Но не будет излишне привести, по крайней мере, один из тех основных моментов, которыми в данном случае руководствовалась советская власть. Церковь есть организованная форма идейного порабощения. Это было здесь наглядно вскрыто самими обвиняемыми, и в частности в том знаменитом послании Цепляка; в котором он лучше, чем кто бы то ни было, рассказывает в 1-м, во 2-м, в 3-м и в 4-м тезисах о том, почему именно такую силу, мощь и крепость получает идейное влияние церкви, воспринимаемое с самых малых лет ребенком, не умеющим думать, не умеющим мыслить, принимающим все на веру под влиянием авторитета духовного лица. Когда малому ребенку императивным порядком вкладывают в голову целый ряд воззрений, стремясь с абсолютной полнотой поработить его сознание с малых лет, угрожая ему за всякий протест отлучением и вечными муками, то этим сразу берут человеческую мысль в такие клещи, от которых далеко не всякий впоследствии

в состоянии освободиться. Ни одна другая общественная организация не имеет таких способов воздействия и влияния, ни одна политическая партия, ни одна политическая группировка не ставит своей задачей от пеленок и до последнего издыхания держать в сфере своего влияния, своей ферулы человеческое сознание. Это есть исконный прием, выработанный исключительно церковью как общественной организацией — все равно какой — католической, православной, иудейской. Это есть их метод. Вот почему для борьбы за свободу мысли, для борьбы за свободу совести, за свободу суждения — декрет от 21 января 1921 года говорит, что до 18 лет никакого преподавания вероучения не может быть. Это было в 1921 г. Обвиняемые нам здесь рассказывали, что они еще за неделю до телеграммы, которая их вызвала из Петрограда в Москву, продолжали нарушать этот декрет. Я полагаю, что одного этого заявления было бы достаточно, чтобы сказать, что состав преступления в данном вопросе целиком налицо. Это одно из соображений, которое заставило нас декрет об отделении церкви от государства объединить с декретом об отделении школы от церкви. Это одно из соображений, по которому составитель закона выделил церковь из ряда других общественных организаций и в отношении ее занял особую позицию. Но чего же, спрашивается боялась советская власть, почему эта общественная организация представляется такой социально-опасной? Она представляется такой социально-опасной потому, — это здесь великолепно было разъяснено Цепляком, — что основным вопросом, за который шла борьба, является вопрос не только о праве идейного влияния, а и о праве бесконтрольного господства над материальными благами, накопленными путем культивирования этого идейного влияния. Нам говорили здесь — церковь была нища. Я не знаю, насколько богат или беден был тот или другой отдельный костел, но я знаю, что один из них — костел св. Екатерины имел 300.000 годового дохода и мог располагать громадными для того времени суммами. Мы знаем одновременно, что по вопросу об изъятии церковных ценностей глава церкви предлагал уплату по весу золота за те ценности, которые были изъяты из католического храма. Мы знаем, что подобно тому, как наши бывшие православные церковные имущества представили из себя гигантские имущества, католические костелы одновременно представляли из себя крупное сосредоточение материальных благ. Именно о праве бесконтроль-

ного распоряжения этими материальными благами, так наз. церковными имуществами, и шел вопрос. Нам говорили здесь, что какое же это бесконтрольное распоряжение, если настоятели костелом держат отчет перед епископом, а архиепископ дает общий отчет святейшему отцу. Но не о таком внутреннем контроле мы говорим, мы говорим о контроле государства, о контроле общественно-организованной воли рабочих масс, мы говорим о контроле трудящихся масс, который они осуществляют так, как они хотят, и так, как они своими законами этот контроль устанавливают.

Я позволю себе в качестве аргумента сослаться на протокол заседания приходских комитетов, центрального комитета и собрания ксендзов-настоятелей. Центральный комитет присвоил себе право требовать отчета от приходских комитетов. Этого притязания на известный контроль в управлении не могли допустить представители церковного мира. Для того, чтобы эту опасную тенденцию уничтожить, у них встал вопрос о роспуске ими самими созданного центрального епархиального комитета из прихожан. О чем шел вопрос при организации церковного приходского комитета? Чего требовали церковники? Кто будет стоять во главе его? Обязательно, чтобы стоял настоятель. В этом сущность конфликтов, в этом содержание спора. Кто будет дальше бесконтрольно управлять — представители церковной иерархии или миряне и прихожане, которые несут свои копейки, которые на свои копейки покупают свечи? Вот в чем вопрос. Итак не только об идейном влиянии шел спор.

Идейное влияние есть средство, а цель — материальные блага. Господство единой церковной иерархии, как классовой организации, бесконтрольное господство их снизу и доверху, вот что было целью. И в этом сущность всякой церкви, — православной, католической, магометанской, иудейской и т. д., это ее историческое существо, за это она борется. Вот почему, к этой организации и занимает Советская власть оборонительную позицию, лишает ее возможности всякого участия в политической и общественной жизни, участия в воспитании нового поколения, исключает ее целиком из области гражданских правоотношений, лишая ее каких бы то ни было прав юридического лица. Такова основная позиция советской власти, декретированная в законах, из которых вытекал ряд практических выводов, формулированных мною в обвинительном акте.

В его вводной части были перечислены те категорические ультиматумы, которые ставит государственная власть по отношению ко всякой церковной организации, требуя в первую очередь беспрекословного повиновения и исполнения советских законов. Нам говорят здесь, я позволю себе остановиться на этом основном вопросе, чтобы после к нему не возвращаться, а перейти к данным уликовой стороны, что, мол, «мы не могли исполнять советские законы потому, что каноны нам запрещают, мы не могли потому, что мы прежде всего священники, а потом граждане, мы их нарушили и будем нарушать». Обратимся к этому основному и коренному вопросу. Основной аргумент следующий: существует канон, в этом каноне говорится, что единственным собственником, распорядителем всего церковного имущества католической церкви является находящийся вне пределов РСФСР его святейшество — папа — представитель и глава Ватикана. «Он является хозяином и распорядителем, а мы его покорные слуги. Мы не можем ничего делать без его санкции». Вот позиция, которой держатся обвиняемые. Рассмотрим ее ближе. Папа является верховным распорядителем, без санкции его ничего не может быть сделано. Это прежде всего неверно. От этой общей фразы, от этого декламаторского тезиса позвольте перейти к анализу его реального содержания, его реального исторического повседневного содержания. Мы знаем, что такое право собственности, мы знаем, кто именуется собственником, мы знаем, наконец, что всякий собственник осуществляет свое право собственности не при помощи одной юридической декларации, а путем реальных признаков владения. И вот мы спрашиваем: ну, кто же реально распоряжается церковным имуществом, скажем какой-либо церкви в Царево-Кокшайске? Кто распоряжается реально, практически, в жизни? Ватикан, как таковой? Здесь нам рассказывали, какой имел место случай в одном из приходов после того, как был запечатан костел. Ксендз взял чашу, унес к себе домой и начал служить у себя на дому, а когда его спросили, откуда у него чаша, он ответил: «это моя чаша». Вот во что обращает реальная жизнь эту декларацию — в собственность того, кто реально распоряжается. Есть реальное распоряжение данными церковными материальными благами данной общественной группой, стоящей во главе этого имущества, в данных конкретных условиях времени. На деле распоряжается не папа, а ксендзы, настоятели костела.

.. Если мы пойдем теперь к толпе прихожан и будем им говорить, что собственником имущества является только и исключительно «святой отец», ибо так сказано в каноне, то это будет прямым обманом. Думают ли обвиняемые об этом так, или не думают — это не важно, имеется ли такое подтверждение в каноне — нас не интересует, но мы так смотрим и обратную точку зрения именуем религиозным предрассудком. В деле имеется протест отдельных обвиняемых против того, что «помилуй бог, такие скверные слова упоминаются в нашем Уголовном кодексе». Скажите, пожалуйста, нам еще будут указывать, как наш Уголовный кодекс писать. Мы именуем религиозным предрассудком не только данное деяние, а и многое другое: всякое церковное действие, претендующее на сверхъестественное значение в том или ином культе, мы именуем религиозным предрассудком. Крещение мы именуем религиозным предрассудком, покаяние мы именуем религиозным предрассудком, все таинства именуем религиозным предрассудком. И это наше право. И называя их религиозными предрассудками, мы говорим, что использование религиозных предрассудков тем или другим вероисповеданием с целью противодействия выполнению наших законов мы преследуем в уголовном порядке. Вот почему, если при разборе преступных действий данных лиц мы находим использование религиозных предрассудков данным вероучением для противодействия нашим требованиям, то мы будем за это деяние карать их так, как указано в нашем законе.

Вот почему для нас достаточно было бы по этому вопросу, не входя в дальнейший разбор того, кто собственно является владельцем католического церковного имущества в РСФСР, ограничиться заявлением, что ссылку на этот фетиш, на этот признак распоряжения этим имуществом из Ватикана, мы принять не можем. Но мы не могли бы ее принять, если бы папа действительно распоряжался этим имуществом. В нашей стране мы этого допустить не можем и ссылку на это право так же отвергли бы. Дело, однако, так не обстоит. Распоряжаются на деле не папы, а ксендзы, лишь прикрываясь папой, используя религиозный предрассудок о его правах. Но дело обстоит еще хуже, и у нас есть еще более веские доказательства для того, чтобы трактовать обвиняемых и все дело, как политическое дело, а не как религиозный спор. Какое имеет место использование религиозных предрассудков? Если человеку несознательному, колеблющемуся, не знающему какую из

брать себе политическую линию, и именно политическую линию, а не какую-либо иную, не знающему, к какой политической группе ему примкнуть, к белогвардейской или коммунистической, к православной или католической, если этому несознательному человеку, не знающему истины, желющему найти ее, вместо того, чтобы объяснить ему в порядке логической дискуссии, что мы всегда и везде разрешаем, что нужно делать так-то, вместо этого говорить: «не смей об этом и думать, ибо за этим последует отлучение от церкви и всяческое возмездие на этом и на том свете», используя неразвитость его сознания для того, чтобы ослабить не то или другое религиозное учение, а ослабить другую политическую партию, — мы считаем такую деятельность не только простым религиозным обманом, а считаем ее политическим актом, мы считаем это политической деятельностью, рассматриваем и расцениваем это деяние, как политический акт и с иной точки зрения подходить к этому вопросу мы не можем.

Мы говорим, что здесь налицо использование пред-
рассудков религиозного характера на политической почве и иначе на это реагируем. Если мы посмотрим на тот договор, который отказались подписать обвиняемые, то мы там найдем следующее место. Обвиняемые не согласились «не допускать: а) политических собраний, враждебных сов. власти, б) раздачи или продажи книг, брошюр, листов и посланий, направленных против сов. власти или ее представителей, в) произнесения проповедей или речей, враждебных сов. власти или ее отдельным представителям, г) совершения набатных тревог, для созыва населения в целях возбуждения его против сов. власти.» Вот какие обязательства отказались подписать обвиняемые, по мотивам, якобы, религиозной свободы. Можно ли говорить, что это не политический акт, не политическое деяние, что это только исполнение канона. Вы можете этот акт называть как вам угодно, но мы называем его политической деятельностью, агитацией против определенных и обязательных для всех законов, изданных и введенных в жизнь государством. Не желание подчиняться этим законам, а желание бороться против них. Никакие ссылки на каноны тут не помогут, и вот почему: мы имели и имеем право расценивать работу обвиняемых, как политическую работу и соответственно относиться к ней, и с этой точки зрения мы будем анализировать все собранные судебным следствием факты.

Вот почему из фактов, которые прошли перед судом, для нас ясно, что данные обвиняемые показали и оправдали всю целесообразность, необходимость и правильность принятия тех мер, которые были приняты по отношению к ним. Вот историческая правда, которая заставила нас отнестись осторожно к данным лицам.

Позвольте перейти после этого к непосредственному рассмотрению исторических фактов, бывших предметом нашего расследования. Мы разделили их на два вида, на отдельные эпизоды и на коллективную, согласованную деятельность. Если бы ксендз Буткевич был бы немножко предусмотрительнее и не в апреле 1920 года, а в 1918 году догадался прекратить писание своих записок, мемуаров, или настолько был бы предусмотрительным, чтобы вместо того, чтобы отнести их к Пусевичу, отнес их к кому-нибудь другому или на чердак, где хранились серебряные ножи и вилки княгини Друцкой, которая дала их на костел, то мы не имели бы подтверждения этого факта коллективной деятельности, а имели бы доказательства изолированных фактов. Начнем поэтому с них. Что же показывают эти изолированные факты? Я выделил два основных факта, которые являются решающими для обвинения. С одной стороны, имеется приложенный к делу и доставленный свидетелями протокол, подписанный прихожанами церкви «Успения деви Марии», в нем говорится: «Мы, нижеподписавшиеся, прихожане церкви Успения деви Марии — римско-католическое трудовое население города Петрограда, работая на хлеб насущный, спокойно исполняли свой долг перед Богом, посещая свой храм. Мы думали, что в настоящее время мы будем без всякого вмешательства сов. власти вести свою религиозную жизнь, свобода которой была нам столько раз гарантирована сов. властью. Но теперь мы узнали, что опять сов. власть вторгается в наши церковные дела, желая проверить церковное имущество и управление церковью по советским законам. Считая, что по законам церкви подобное явление недопустимо, просим церковный стол Московского района оставить нас в покое...»

А затем следуют несколько подписей прихожан, удостоверяемых ксендзом Хвецько.

Я спрашиваю Хвецько, что это значит. Он говорит — очень просто, было собрание прихожан, ксендз Хвецько разъяснил, что надлежит сделать, и предложил собрать подписи, подписи были собраны и им удостоверены. Чем

склонял прихожан Хвецько к подписанию этого протеста? Ссылкой на церковный канон, ссылкой на свое церковное право, на вечные муки тому, кто нарушит это право. Это и есть использование в политических целях религиозных предрассудков в целях противодействия исполнению советских законов. Вот вам полный состав 119 ст. для Хвецько, и я должен сказать, что я не милостиво настроен к подобного рода фактам. Не шутки шутить с вами пришли мы в этот зал, не спорить о происхождении и праве ваших канонов, а о нарушении наших законов. 119 статья в своей заключительной части гласит: карается высшей мерой наказания. И вот поэтому я хочу, товарищи судьи, чтобы здесь сегодня сейчас после мирных 4-х дней нашего процесса, вы взвесили всю цену того, что сделал ксендз Хвецько, потому что эти 268 или 644 трудящихся от станка, эти верующие рабочие, они без Хвецько не подумались бы до того, чтобы писать советской власти: оставьте нас в покое. Вот за то, что 600 с лишним человек были склонены обвиняемыми к явному противодействию законам советской власти, за это мы и судим сейчас ксендза Хвецько и примем против него меры социальной обороны и защиты. И на эту почву я хочу сейчас перевести все, что мы установили за эти 4 дня, на этой почве я хочу здесь разговаривать, а не на почве постановлений Триентского Собора. И другой факт такого же характера, касающийся другого из обвиняемых. Я в данном случае имею в виду страницу 94-ю 1-го тома дела, документ, гласящий: «Мы на предъявленное предписание ваше от 5 сентября 1921 года за № 327 заявляем, что требование это мы исполнить не можем и договор такого содержания подписать не имеем права». Этот документ того же рода, что и составленный Хвецько. Подписали 268 человек, скрепил ксендз Эйсмонт. Здесь нам с чрезвычайной простотой и наивностью рассказывал ксендз Эйсмонт, как он это сделал, и что ничего ужасного он тут не совершал и ничего ужасного тут не случилось. Нет ничего ужасного в том, что данные лица не заключали договор, ибо они имеют право заключить договор или не заключать договора и склонять кого-нибудь к тому, чтобы он использовал или не использовал свое право, в этом он, ксендз Эйсмонт, ничего реально-преступного не видит. Замечательная логика, очень хорошая софистическая иезуитская логика, но логика, которая никакой логики не выдерживает, ибо у нас, кроме нежней этой формальной логики, есть логика жизни, ло-